

УДК 340.141

**АДАТЫ ОБЩЕСТВ АНЦУХ-КАПУЧА И БОХНОДА:
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Р.С. Абдулмажидов,
Институт ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

ramazana@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена общей характеристике и сравнительному анализу одного из сборников адатов, составленного в конце XIX в. Данный кодекс был призван регулировать правовые отношения в обществах Юго-Запада Дагестана, которые были объединены в военно-политический союз под названием Анкратль. Существование ряда других памятников права более раннего периода, относящихся к исследуемому региону, позволяет проследить эволюцию правовой культуры и юридической практики. Кодекс представляет собой один из наиболее объемных сборников адатов «поререформенного» периода. Полный перевод текста «Адатов обществ Анцух-Капуча и Бохнода» с комментариями содержится в плановой работе Абдулмажидова Р.С. за 2011 г. и хранится в рукописном фонде ИИАЭ ДНЦ РАН.

Abstract: The article deals with the general characteristic and comparative analysis of the collection of adats that was made at the end of the 19th century. This code was aimed at governing legal relations in the societies of Southwest Dagestan which were integrated into the political-military alliance named Ankratl. The existence of other law monuments of earlier period, relating to the region under study, allows to retrace the evolution of legal culture and law practice. The code is one of the most volume collections of adats of the 'post-reform' period. The full translation of «The adats of the Antsukh-Kapucha and Bokhnoda societies» with comments is presented in R.S.Abdulmashidov's general work of 2011 and is kept in the manuscript fund of the Institute of History, Archaeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center, Russian Academy of Sciences.

Ключевые слова: адат, обычное право, мусульманское право, правовая культура, Анкратль.

Keywords: adat, common law, Islamic law, legal culture, Ankratl.

Отмечая многообразие и самобытность правового наследия народов Кавказа, известный исследователь обычного права М.М. Ковалевский писал, что можно найти «особенно богатый материал при изучении общественного устройства тех народностей, которые... благодаря физическим условиям занятой ими местности, сохранили не только в большей или меньшей степени свою политическую независимость, но и особенности своей древней культуры» (Ковалевский М.М., 1886. С. 5). Наряду с этим, в дореволюционной историографии существовала и другая точка зрения, нашедшая своих последователей и в наше время. По ней считалось, что у кавказских горцев: «нет истории, да какая может быть история у кучки разбойников, для которой единственный и самый лучший закон – своя воля и единственное право – право сильного» (Березин И.Н., 1850. С. 76).

Разрешению противоречий между этими двумя историческими подходами может способствовать выявление и введение в научный оборот источников, содержащих нормы обычного права. Только из сведений, полученных при проведении сравнительно-исторического анализа, можно получить объективное представление об уровне правовой культуры и общественной организации.

В этом отношении на Кавказе особняком стоит Дагестан, где в связи с более ранним проникновением и утверждением ислама сложились богатые традиции письменной культуры, особенно, на фоне остальной территории Северного Кавказа. Это отмечал и другой известный кодификатор обычного права народов Кавказа Ф.И. Леонтович: «значение закона приобретал адат и на Кавказе, в особенности там, где вместе с ранним упрочением ислама началось с давних

времен кодифицирование обычного права...» (*Леонтович Ф.И.*, 1886. С. 6). И вследствие этого, если у других северокавказских народов письменные правовые памятники были представлены в крайне ограниченном числе, то в Дагестане сохранилось большое количество сборников адатов на арабском языке, самые ранние из которых датируются XVI–XVII вв. О достаточно высоком уровне правовой культуры народов Дагестана свидетельствует уже то обстоятельство, что присущие многим средневековым памятникам обычного права народов мира элементы принципа Талиона в дагестанских кодексах практически не наблюдаются, поскольку нанесение эквивалентного ущерба виновной стороне было заменено в них системой т.н. композиций, предусматривающих ответственность в виде двух-трех и более кратного имущественного возмещения.

После присоединения Дагестана к России, кавказская администрация, столкнувшись с упорным сопротивлением местного населения направленным против инкорпорации в государственную систему империи, решила сохранить существовавшую у них правовую систему. При этом в условиях правового дуализма с учетом того, что влияние шариата в правовой культуре горцев продолжало возрастать, было решено отдать приоритет судопроизводству по адату, в надежде через некоторое время приобщить их к общеимперскому законодательству. Кроме того, на наш взгляд, предполагалось, что адат в определенной степени способствует дроблению различных горских народностей и разрушает их политическое единство. В то же время, как писал А.В. Комаров, автор обстоятельной статьи о судопроизводстве по адатам, «...признано необходимым оставить суд по шариату и по адатам во всей его силе; причем имелось ввиду, что на адаты народ смотрит как на дело ума человеческого и беспрепятственно допускает изменение их, если видит в этом хоть малейшую пользу для себя» (*Комаров А.В.*, 1868 С. 11).

Существует и такая точка зрения, согласно которой: «функционирование в Дагестане трехзвенного суда (адатного, шариатского и российского (общегражданского) в XIX в. свидетельствует о том, что Россия не применяла насилия к горцам, более того, она учитывала интересы всех слоев населения и поэтому создала относительно гармонизированную правовую систему, отражавшую весь спектр стремлений народонаселения и учитывающую их желания и надежды» (*Агакеримова Ч.А.*, 2008. С.5).

Однако, на наш взгляд, установившаяся правовая система вовсе не «отражала весь спектр стремлений народонаселения», а была направлена прежде всего, через легитимизацию адатного судопроизводства, на снижение авторитета мусульманских богословов и шариата в целом. Об этом писал еще Ф.И. Леонтович: «...во многих случаях русское управление становилось на сторону адата в борьбе его с шариатом, прежде всего старалось ослабить действие шариата, а с ним парализовать и силу мусульманского духовенства, по отзыву горского управления 40-х годов всегда представлявшего один из главных тормозов в деле умиротворения края» (*Леонтович Ф.И.*, 1886. С. 35). С подобной трактовкой соглашается и дагестанский исследователь М.А. Агларов: «перед властями стала задача военно-административного управления краем, что привело к интенсивному изучению прежде всего права (адата), возрождением и поддержкой которого власти хотели оттеснить на второй план шариат, укрепившийся в юридической практике и в правосознании, особенно за годы имамата» (*Агларов М.А.*, 1988. С. 16).

Осознавая свою неосведомленность в нравах и обычаях горцев, военная администрация на Кавказе приняла решение «книги шариата перевести с арабского на русский язык, а правила адатов, известные у горцев по одним лишь только преданиям, собрать для составления сколько возможно более полного из них свода» (*Леонтович Ф.И.*, 1886. С. 91). Анонимный автор в статье, опубликованной в одном из номеров «Военного сборника» за 1861 г., характеризуя деятельность кавказской администрации, писал: «ясно, что правительством сделано возможное при нынешних обстоятельствах, чтоб вновь покоренные народы прониклись убеждением, что, избавляя их от большей части повинностей, предоставляя управляться и судиться им самим, оно имело ввиду только их интересы, в противоположность предшествующего управления – шамилевского» (Военный сборник. №4. 1861. С. 383.) Первоначально (начиная с 1840-х) кодификационная работа велась под руководством специально назначенных для этого военных офицеров, которые с разной степенью успеха зафиксировали нормы обычного права народов Северного Кавказа.

После образования в 1860 г. Дагестанской области и внедрения нового административного устройства составление сборников адатов было поручено каждому окружному начальству. При создании сборников использовались как уже существовавшие письменные сборники адатов, так и сведения, полученные от местных авторитетных жителей и знатоков адата. В результате этого было создано несколько сборников обычного права, которые были призваны регулировать уголовные и гражданские правоотношения во вновь образованных округах. Переведенные на

русский язык, они были опубликованы в различных печатных изданиях того периода (ССКГ, «Кавказ», «Кавказский сборник», СМОМПК). Работа по кодификации адатов, их адаптации к меняющимся реалиям была впоследствии продолжена, и в 1899 г. были изданы адаты Дагестанской области и Закатальского округа. В связи с этим исследователи выделяют новый этап в развитии обычного права Дагестана, получивший название «пореформенного».

Нельзя не согласиться с М.А. Агларовым, который, характеризуя кодексы пореформенного права, пишет, что, «многие пункты, не соответствующие, по мнению администраторов, новым условиям, или малозначительные, на их взгляд, были исключены, чем своды значительно обесценились как источники» (*Агларов М.А.*, 1988. С. 17). В то же время, принимая во внимание тот факт, что судебная реформа, проведенная в Дагестанской области в 60-х гг., привела к определенной унификации и стандартизации сборников адатов, на наш взгляд, в них содержится множество ценных сведений о характере и содержании общественно-правового развития народов Дагестана.

В этой связи, большой интерес представляет обнаруженная нами в 1999 г. в с. Бежта рукопись на арабском языке, в которой содержатся адаты некоторых обществ Юго-Западного Дагестана. Титульный лист данного сборника адатов сообщает следующее: «В этом сборнике собраны адаты обществ наибо области Анцух-Капуча и Бохнода от 10 июля 1895 г.»* [*Оригинал исследуемого памятника права хранится в личной коллекции автора настоящей статьи. Здесь и далее перевод автора]. Надо заметить, что территория его юрисдикции выходит далеко за рамки границ названных на титуле обществ и охватывает все области, традиционно входившие в состав военно-политического союза сельских общин, известного под названием Анкратль (Семиземелье). А присутствие на титуле только названий трех обществ связано с тем, что после образования Дагестанской области на территории Анкратля было создано несколько административных образований, к периоду составления сборника адатов объединенных в наибство «Анцух-Капуча и Бохнода» с центром в с. Тлярата (Кавказский календарь. 1895. С. 169). Думается, что есть все основания назвать исследуемый кодекс «Адатами Анкратля», но, придерживаясь указанного на титуле текста, дадим ему условное название «Адаты обществ Анцух-Капуча и Бохнода».

Следует отметить, что существуют еще два правовых памятника, относящихся к этому региону и дошедших до нас на русском языке. Один из них, известный как «Адаты Бежидского округа» (*Омаров А.С.*, 1968. С. 57–70), в числе рукописей, собранных служившим на Кавказе И.В. Бентковским, был передан в дар Новороссийскому университету. Ф.И. Леонтович, готовивший свод адатов к изданию, ошибочно причисляя его к «древнейшим», в то же время писал: «Есть основание думать, что собственно «перевод» адатов Бежидского округа составлен в новое время (чуть ли не в 60-х годах), в виде извлечения из нескольких древних арабских сборников, бывших исстари в употреблении в отдельных «наибствах» округа и сведенных в нашем «переводе» в один общий сборник» (*Леонтович Ф.И.*, 1886. С. 46).

Действительно, хотя одним из источников при составлении «Адатов Бежидского округа» и могли служить более ранние правовые документы, но исходя из анализа текста адатов очевидно, что большинство установлений были сформулированы в пореформенный период. В заблуждение по поводу «древнего происхождения» могли ввести имеющиеся в кодексе адаты, относившиеся к Дидойскому наибству, которые касались ответственности за пропущенные молитву или пост. Однако это может говорить лишь о более поздней, чем у соседних народностей исламизации дидойских обществ, что неоднократно отмечалось во многих источниках XVIII–XIX вв.

Дату же составления кодекса следует отнести ко второй половине XIX в., когда был образован Бежитский округ, просуществовавший несколько лет (1861–1865 гг.). В него включены адаты только тех обществ, которые входили в вышеназванный округ. Кроме того, по содержанию он имеет те же характерные особенности, что были присущи кодексам пореформенного права. Надобно полагать, что составители кодекса, получив приказ окружного начальства, попытались адаптировать существовавшее у них адатное судопроизводство к новым реалиям.

Другой памятник права, имеющий отношение уже непосредственно к обществу Капуча под названием «Бежитские адаты» (*Омаров А.С.*, 1968. С. 71–76), был составлен в 1887 г. в ходе этнографической экспедиции самим М.М. Ковалевским, который со слов местных жителей зафиксировал местные правовые обычаи. Содержащиеся в нем нормы обычного права можно охарактеризовать как «нормативы этнографически-бытового характера» (*Агларов М.А.*, 1988. С. 155), так и адатные установления, относящиеся к области регулирования общественных отношений, судоустройства и уголовного права.

Следует отметить, что «Адаты обществ Анцух-Капуча и Бохнода» выгодно отличается от предшествующих региональных кодексов, главным образом тем, что до нас дошел оригинал на арабском языке. «Адаты Бежидского округа», представленные только в русском варианте и опубликованные дагестанским исследователем адатов А.С. Омаровым не избежали неточностей в переводе, которыми грешат и многие другие сборники адатов пореформенного периода. Автору перевода не всегда удавалось правильно передать юридическое содержание текста.

Известно, что в 1899 г. по инициативе царской администрации на Кавказе были изданы «Адаты Дагестанской области и Закатальского округа». Надобно полагать, что и наш кодекс должен был войти в этот сборник, но по каким-то причинам этого не произошло. Об этом убедительно свидетельствуют структура исследуемого сборника адатов и тождественные названия заголовков, разбивающие нормы права на определенные разделы, что стало, как уже отмечалось выше, следствием стремления кавказской администрации унифицировать и стандартизировать нормы обычного права горцев.

В начале текста дается подробный перечень всех обществ Анкратля. При этом, если в других источниках упоминалось от 9 до 11 обществ, то здесь указываются уже 16: Капуча, Унзиб, Шабах, Тух, Мачар-колода, Кособ, Гонсода, Верхний Таш, Средний Таш, Нижний Таш, Унхада, Анцосо, Бохнода, Глебелал, Конода, Джурмут – с указанием входивших в каждый из них селений (всего 103 села). И в дальнейшем, уже при рассмотрении конкретного правового казуса, в кодексе приводятся особенности в степени наказания и средствах возмещения ущерба, установленных в различных обществах «Семиземелья».

Составителем кодекса, вероятнее всего, является Кебедмухаммад сын Султанмухаммада ал-Бежти бывший депутатом (с 1905 до 1910) и кадием Гунибского окружного суда (с 1910 по 1918), а позднее наибом Анцухо-Капучинского участка (с 1918 до 1920), поскольку данная рукопись была найдена в его личной библиотеке. Другим аргументом для персонификации составителя служит тот факт, что Кебедмухаммад ал-Бежти был известен в своем регионе как превосходный знаток мусульманского права и, проработав кадием в ряде селений Юго-Западного Дагестана, хорошо разбирался в особенностях местных адатов. Он часто вступал в полемику по различным правовым и богословским вопросам с известными дагестанскими учеными (в частности, с Муслимом ал-Уради). Сохранились также несколько его небольших оригинальных сочинений, посвященных вопросам богослужения.

Не случайно, вероятно, и то, что при составлении списка населенных пунктов в кодексе вначале приводится перечень селений общества Капуча. А в одной из статей раздела об убийстве, где указаны различия в сумме и виде дийата* [*Выкуп за кровь. – Авт.] у различных обществ Анкратля, употребляется фраза «а дийат по нашему адату», без указания названия конкретного общества, хотя в дальнейшем размер суммы выкупа за кровь приводится уже в связке с названием всех остальных обществ, кроме капучинского. Таким образом, можно вполне определенно утверждать о принадлежности составителя исследуемого сборника адатов к обществу Капуча.

При характеристике какого-либо памятника права, исследователи в первую очередь выявляют источники его формирования. Главным источником исследуемого кодекса является, конечно, обычай, который в Дагестане обретал силу закона после заключения джамаатом (обществом) соответствующего соглашения. Большую роль также играли судебные прецеденты (в некоторых кодексах приводились конкретные персонифицированные примеры) (Магомедсалихов Х.М., Омаров Х.А., 2002. 108 с.).

Вместе с тем, определяющую роль в формировании правовой культуры Дагестана XVII–XIX вв., на наш взгляд, сыграли местные авторитетные мусульманские правоведы, которые по мере укрепления позиций ислама, вносили свои интерполяции с учетом положений более развитого мусульманского права. Еще Ф.И. Леонтович писал о «средине» между судом по адату и судом по шариату» (Леонтович Ф.И., 1886. С. 8). С ним был солидарен впоследствии и советский исследователь обычного права народов Северного Кавказа А.М. Ладыженский: «У горцев маслагат в новое время объясняется, главным образом, тем, что ищут средние решения между требованием шариата и народными правовыми воззрениями» (Ладыженский А.М., 2003. С. 46).

Кроме того, текстологический анализ дошедших до нас дагестанских кодексов показывает, что их создатели должны были прекрасно владеть арабским языком и обладать глубокими знаниями в области мусульманского права. Примечателен и тот факт, что все эти правовые памятники написаны только на арабском языке, хотя многие другие источники по истории и культуре народов Дагестана имеют различные аджамские вариации. Это связано было, на наш взгляд, с

наличием в арабском языке специальной юридической терминологии, отсутствовавшей в местных языках.

Все это свидетельствует о том, что произошедшая рецепция мусульманского права наложила определенный отпечаток на адаты дагестанских горцев. По справедливому заключению известного российского исследователя мусульманского права Л.Р. Сюкияйнена, «в исламском мире всегда сосуществовали самые разные традиции, обычаи и правовые системы. Их взаимодействие и даже взаимовлияние с шариатом говорят не о его слабости, а, наоборот, о его силе и жизненности, способности развиваться и соответствовать своему времени» (*Сюкияйнен Л.Р.*, 1997. С. 20).

Нормы права в исследуемом сборнике адатов в отличие от предыдущих региональных кодексов сгруппированы по содержанию и разделены на соответствующие виды преступлений. Львиная доля адатов посвящена вопросам уголовного права. Вначале представлены установления, относящиеся к преступлениям против личности, составляющие две трети всего сборника, а затем даются статьи, касающиеся правонарушений против собственности и долговых обязательств. Малое количество адатов по гражданскому праву связано с тем, что как известно, у горцев приоритет в решении дел по гражданскому праву отдавался мусульманскому праву.

Рассматриваемые нами адаты изложены в следующем порядке: I. Адаты в случае убийства; II. Адаты в случае ранения; III. Адаты в случае посягательства на честь женщины; IV. Адаты в случае насильственного похищения; V. Адаты в случае добровольного ухода женщины с мужчиной; VI. Адаты в случае внебрачной беременности с применением насилия или по добровольному согласию; VII. Адат в случае мужеложства; VIII. Адат в случае скотоложства; IX. Адаты в случае воровства; X. Адаты в случае насильственного захвата чужого имущества; XI. Адаты в случае поджога; XII. Адаты в случае порчи и разрушения чужого имущества; XIII. Адаты в случае вырубки деревьев и потравы пастбища и пашни; XIV. Адаты в случае земельных споров; XV. Адаты в случае долговых обязательств.

Следует отметить, что в данном своде адатов еще сохраняются некоторые элементы казуальной формы. Большая часть правовых норм изложена в виде конкретного правового казуса. Однако вместе с тем, в «Адатах обществ Анцух-Капуча и Бохнода», как и в других дагестанских сводах адатов пореформенного периода, прослеживается отчетливая тенденция к абстрагированию и обобщению при формулировке нормативно-правовых норм. К примеру, в разделе, касающемся нанесения ранений, вначале дается определение того, что следует считать раной: «Раной считается проколотое тело (в тексте букв. – то, что проколото на теле), нуждающееся в лечении; или рассечение (в тексте букв. – то, что рассечена кожа) с тем, чтобы зерно ячменя помешалось в нем и, если положить что-нибудь плоское, то (оно) не будет касаться его (зерна)».

Примечательно, что зерно ячменя использовалось при определении характера и тяжести ранения и у соседних народностей – тушин и хевсуров. Об этом сообщает А.Л. Зиссерман, долгое время занимавший разные административные должности в приграничных с Дагестаном областях: «Если разбито или ранено лицо, то в длину оставшегося шрама кладут ячменные зерна, одно вдоль, другое поперек, и сколько выйдет зерен, столько виноватый платит коров» (*Зиссерман А.Л.*, 1877. С. 182).

Вместе с тем, в исследуемых адатах сохраняются некоторые элементы известного еще древнеримскому праву принципа строгого формализма. Это отражается, к примеру, в неприятии очистительной присяги в случае убийства, если один из назначенных 50 присягателей уклонится от нее. Более того, по адатам некоторых дагестанских обществ, «обвиненный раз в убийстве остается канлы (кровником), хотя бы и был впоследствии найден действительный убийца» (*Комаров А.В.*, 1868 С.18).

В исследуемом кодексе, как и в других памятниках права народов Дагестана, широко применяется принцип круговой поруки, который наиболее ярко отражен в институте соприсяжничества. Институт соприсяжничества не всегда соответствовал принципам мусульманского права, тем не менее, его применение в дагестанских адатах было чрезвычайно распространено. Если шариат стремился к установлению личной ответственности за совершенное преступление (*Ковалевский М.М.*, 1890. С. 225), то адат старался всячески расширить круг ответственных за совершенное деяние.

Так, например, выплата дийата, а также любого долга по адатам ложилась на плечи отца, «если сын проживал вместе с ним». В свою очередь, как следует из «Бежитских адатов»: «Дети должны платить долг отца в размере полученного наследства. Отказ от наследства допускается и освобождает от платежа долгов» (*Омаров А.С.*, 1968. С. 71). В действительности, ответственность

за совершенное убийство ложилась на всех членов рода. Об особенностях выплаты дийата в исследуемом регионе А.В. Комаров писал: «...В Анцухо-Капучинском и Бохнодинском наибствах дийат взыскивается и выдается вскоре после убийства и отличается от алыма только по названию» (Комаров А.В., 1868 С. 31). Размер дийата определялся каждым обществом самостоятельно и составлял огромную по тем временам сумму (к примеру, в обществах Капуча и Джурмут – 500 р.). В связи с этим, крайне мало было семей, которые могли бы самостоятельно его выплатить. Участие сородичей в выплате дийата зависело от степени родства – ближайшие платили больше, а дальние, соответственно, – меньше. Если родственники отказывались выплачивать дийат, то это фактически означало отказ от родства. И убийца, не имевший возможности самостоятельно выплатить дийат, и от которого отвернулись сородичи, приговаривался по решению суда к бессрочной высылке в Сибирь.

Одновременно с этим, в кодексе прослеживается и тенденция к ограничению кровной мести. Как справедливо заметил А.М. Ладыженский, «кровная месть ограничилась новым принципом «кровь кровью не моют», т.е. за убийство, совершенное из мести, месть не полагается, так как это убийство является не обидой, а уничтожением (смыванием кровью) обиды» (Ладыженский А.М., 2003 С. 11). По мнению дагестанского этнографа С.А. Лугуева, ограничение кровной мести могло быть связано и с изменениями в общественной жизни народов Дагестана после присоединения к России: «Укоренившись в общественном быту как выражение родовой солидарности, обычай изменился, в частности, по линии постепенного сужения круга кровников. Развитие социально-экономических отношений способствует постепенному перерастанию обычая в систему композиций» (Лугуев С.А., 1980. С. 31).

В исследуемых адатах есть немало статей, указывающих на нежелательность применения кровной мести. К примеру, в случае обоюдного убийства: «Если двое убили друг друга, то не лежит на них обоих и их наследниках ничего другого, поскольку так было predetermined Всевышним». Отмечаются также несколько случаев, когда вследствие тяжести совершенного убитым преступления или, наоборот, вследствие неумышленности убийства, «кровь убитого пролита напрасно», то есть кровомщение не требуется. К примеру, одна из статей гласит: «Если раненый сказал: «поранил меня такой-то неумышленно, и я простил его», а затем умер, то достаточно его прощения и нет в этом позора для его родственников и не должны они требовать выкуп за кровь. Однако, это прощение должно произойти перед членами суда или в присутствии двух справедливых людей, которые не приходится родственниками убийце».

Одновременно с этим, тот факт, что убийцу изгоняли из общества, также способствовал уменьшению пагубных последствий кровной мести. Кроме того, в некоторых случаях устанавливался и срок давности совершенного преступления. Так, в исследуемом кодексе, если по совершению кражи проходило 3 года, иск не принимался.

Следует отметить, что отличительной чертой адатов Нагорного Дагестана, особенно в сравнении с правовыми памятниками Западного Кавказа, является отсутствие в них привилегий для знатных сословий. Это связано с тем, что в Нагорном Дагестане социальная дифференциация была не так сильно выражена, как на остальной территории Северного Кавказа. Более того, некоторые сборники адатов (к примеру, андаляльские) содержали установления, призванные противостоять влиянию знатных родов. Соблюдению правового равенства способствовали и нормы ислама, которые хотя и узаконивают сословные различия, но в тоже время дают четкую установку на социальное равноправие.

В исследуемом кодексе свидетельские показания рассматривались с учётом социального положения свидетеля. Несмотря на то, что, как отмечал в «Бежитских адатах» М.М. Ковалевский, «Ни ханов, ни кешкельного права, ни крепостных отношений между капучи никогда не было. Все они считают себя свободными узденями, аристократии между ними никогда не было» (Омаров А.С., 1968. С. 72). Некоторые дагестанские исследователи о появлении в исследуемом регионе зависимых слоев населения писали, что «Данная прослойка появилась, в основном, в XVI–XVIII вв. за счет военнопленных в период агрессии шахского Ирана и Османской Турции в Закавказье, которая со временем эволюционировала в зависимое крестьянство феодализирующейся общинной верхушки общества. Рабство как социально-экономический уклад не прижилось в союзах сельских общин Западного Дагестана в связи с отсутствием социально-экономической базы» (Магомедов Д.М., Магомедов Н.А., 1986. С. 32). И, на наш взгляд, под упоминаемыми в кодексе «неравными по происхождению» следует понимать людей, имевших свое происхождение от бывших военнопленных или выходцев из других общин, которые, практически во всех обществах

Нагорного Дагестана имели более низкий социальный статус и были ограничены в некоторых политических и экономических правах.

Одновременно с этим в кодексе существовала дифференциация по половозрастному признаку. Одна из статей прямо гласит: «Различаются решение по нашему адату по отношению к замужней, незамужней, будь она девственницей или недевственницей». По адатам обществ Капуча, для несовершеннолетнего и женщины в случае убийства срок изгнания из села сокращался вдвое (до трех лет), и высылались они только в пределы своего наибства. А по адатам же других обществ Анкратля, несовершеннолетний, женщина и совершивший неумышленное убийство вовсе освобождались от изгнания и также от выплаты штрафа в пользу общества. Российский исследователь правовой культуры Дагестана В.О. Бобровников пишет, что по дагестанским адатам: «кровь мужчины считалась вдвое дороже крови женщины» (Бобровников В.О., 2002. С.183). Однако, в исследуемом кодексе не содержатся нормы права, указывающие на какое-либо различие в этом вопросе. Более того, одна из статей гласит, что «Если была обнаружена мертвая женщина и кто-то из дальних родственников сказал, что он совершил убийство, обнаружив ее развратничающей с кем-то, но ближайший родственник сказал, «она была убита тобой без вины и не совершала преступное», то не принимаются его [убийцы] слова и поступают с ним так, как поступают с тем, кто совершил умышленное убийство».

Стоит отметить и тот факт, что при посягательстве на честь женщины при вынесении наказания принимался во внимание ее статус в обществе. Женщин классифицировали как замужних, вдов, разведенных, девственниц и не девственниц* [*В тексте применяется арабское слово «сайба», которое согласно шафиитскому и ханбалитскому мазхабам, означает женщину, потерявшую девственность в браке или же вне брака] (См.: Саади Абуджейд, 1988. С. 55). Более того, одна из статей кодекса выделяет и такую категорию как гермафродиты. В зависимости от принадлежности к определенному социальному статусу назначалась та или иная мера наказания и сумма наложенного на «оскорбителя» штрафа.

Некоторые исследователи обычного права Северного Кавказа отмечали, что преступления, направленные против чести женщины регулировались шариатом (Ладыженский А.М., 2003. С. 58). Но в исследуемом кодексе так же, как и в других сборниках адатов пореформенного периода (например, «Адаты Каралал»), этот вид преступлений в большей степени регулировался адатом, поскольку имелись существенные расхождения с мусульманским правом в средствах доказывания вины и назначения наказания. В то же время А. В. Комаров писал, что при разборе дел по изнасилованию и прелюбодеянию иск по подозрению не применялся, а учитывались только свидетельские показания (Комаров А.В., 1868. С. 16). Однако, как следует из исследуемого кодекса адатов, не все общества придерживались этого правила: «А по адату областей Джурмут и Конода пострадавшая имеет право для подтверждения своего обвинения выбрать или свидетельство двух справедливых, или принятие обвинительной присяги вместе с 12 мужчинами, 6 из которых должны быть со стороны отца, а другие 6 со стороны матери, или же взять очистительную присягу с насильника, с приведением также к присяге за ним 12 мужчин».

Вместе с тем, исследуемый кодекс очень строго охранял институт частной собственности. По одному из адатов помимо возмещения украденного взимался еще штраф за нарушение неприкосновенности частной собственности, причем, сумма штрафа зависела от количества дверей, которые были взломаны в ходе преступления.

Кроме того, существовал ряд ограничений при отчуждении земельной собственности. Для выплаты дийата запрещалось использовать земли, расположенные в черте села или же расположенные в другом селении. Это было возможно лишь при согласии всех наследников убитого. Следует отметить, что и предшествующие «Бежитские адаты» содержали некоторые ограничения при отчуждении недвижимого имущества: «Хотя шариат и дозволяет продажу недвижимого имущества посторонним, но по адату, которого придерживаются капучи, продажа недвижимого имущества постороннему возможна только в том случае, если родственник по отцу не воспользуется правом предпочтительной покупки» (Омаров А.С., 1968. С. 72).

По «Адатам обществ Анцух-Капуча и Бохнода» предполагались следующие виды наказания: 1. Изгнание навечно; 2. Изгнание на определенный срок (у капучинцев – на 6 лет, а у остальных обществ – на 10 лет); 3. Имущественное возмещение, в несколько раз превышающее причиненный ущерб; 4. Взыскание штрафа в пользу общества; 5. Взыскание штрафа в пользу государства. Примечательным здесь является появление последней меры наказания под термином «фидья фашалик»[*Фидья – ар.: штраф; Фашалик – авар. (пачалихъ) – государство. – Авт.], который в других кодексах пореформенного периода не встречается.

Среди видов наказаний по адатам отсутствовало тюремное заключение, эквивалентом которого было изгнание из джамаата. Институт лишения свободы в адатном праве Нагорного Дагестана практически не применялся. Присутствие тюрьмы в обществе, где сохранялись тесные кровнородственные связи и отсутствовал развитый аппарат принуждения, было крайне затруднительным. В условиях слабости органов государственной власти представлялось невозможным удержать осужденных в заключении. Не случайно тюрьмы у горцев Дагестана возникли лишь в период Имамата Шамиля, когда появился сильный аппарат принуждения.

Однако в некоторых случаях, согласно адатам, могли заключить виновного под арест на непродолжительное время, либо привлечь его к общественным работам (постройка дорог, мельниц и т.д.), что можно приравнять к применяемым и в современном праве исправительным работам. А одно из адатных установлений гласило, что: «Если произошло мужеложство между двумя, то не было у нас до сих пор какого-либо адата, и, начиная с сегодняшнего дня, мы просим власти выслать их обоих в Сибирь навечно, если они оба добровольно участвовали в этом, а если один из них изнасиловал другого, то только насильника». Очевидно, что данная мера наказания является отражением новых веяний в правовой культуре Дагестанской области и замечена также в некоторых других дагестанских сводах адатов. Ранее за подобное преступление, согласно шариату, приговаривали к смертной казни.

Судебный процесс по адатам носил обвинительно-сопоставительный характер и сочетал в себе такие демократические принципы, как устность, гласность, сопоставительность, непосредственность. Истец и ответчик пользовались полной свободой в предоставлении доказательств, причем предъявление доказательств с обеих сторон было обусловлено соблюдением определенных обрядов и сроков. Для возбуждения судебного процесса, истец по исследуемому кодексу должен был пойти к «бегавулу, или членам суда, или кадию, или к заместителю бегавула, или помощнику старшины и уведомить их о том, что произошло». Решение суда выносилось большинством голосов, а количество судей зависело от тяжести содеянного преступления. Если судебное разбирательство касалось каких-либо трудноразрешимых вопросов, или, если какая-либо сторона процесса оставалась недовольной решением местного суда, то обращались к суду какого-либо из соседних аулов или к влиятельной в регионе персоне. Так, у бежтинцев «В старые годы были выборные судьи. Каждый род (тухум) выбирал своего судью. Если приговор, постановленный не удовлетворяет одну из сторон, призывали судей из соседнего селения. До времени Шамиля обращались в трудных делах к Аварским и Кази-Кумухским ханам, которые и умиротворяли их (т.е. например, к Сурхай-Хану и Умма-хану аварским, Агалар-Хану Кази-Кумухскому, а также к Елисуйскому Даниэлю Султану)» (Омаров А.С., 1968. С. 74).

Из всего вышеприведенного следует, что в исследуемых адатах, несмотря на довольно позднюю дату составления, несомненно, отражены правовые нормы более раннего периода. Сравнительный анализ с имеющимися в данном случае кодексами-предшественниками позволяет выявить определенную эволюцию правовой культуры в одном из крупных политических образований Нагорного Дагестана. Большинство правовых установлений, ранее слабо разработанных и носивших индивидуальный (казуистический) характер, в «Адатах обществ Анцух-Капуча и Бохнода» были закреплены, детализированы и доведены до завершённой формы. Вместе с тем, исследуемый сборник адатов представляет собой один из наиболее полных кодексов пореформенного права Дагестана.

В то же время, есть возможность определить степень влияния администрации Дагестанской области при создании кодексов пореформенного права, которое проявлялось, в том числе, и в новых мерах наказания (штраф в пользу казны, ссылка в Сибирь). Наряду с этим, надо отметить тот факт, что, несмотря на стремление властей ограничить влияние шариата, в исследуемый период при формировании большинства правовых установлений ведущую роль играло мусульманское право, рецепция которого происходила в Дагестане постепенно, по восходящей.

Следует отметить и существенное ужесточение наказаний в «Адатах обществ Анцух-Капуча и Бохнода» по сравнению с «Адатами Бежидского округа». Наблюдаемое увеличение размера дийата можно было бы объяснить инфляционными процессами в Российском государстве или же повышением уровня жизни горцев и соответственно, увеличением денежной массы в рублях у горцев. Однако, увеличение длительности периода изгнания может свидетельствовать как о желании жителей обществ Анкратля усилить предупредительное значение наказания, так и о возможном давлении в этом вопросе со стороны администрации области.

В то же время о достаточно высоком уровне правовой культуры горцев свидетельствует широкое применение института соприсяжничества как в исследуемом кодексе, так и в других

сводах адатов народов Дагестана. Данный элемент судопроизводства является, по сути, предшественником современного суда присяжных, который считается одной из наиболее демократичных форм судопроизводства, призванной обеспечить непосредственное участие представителей народа в отправлении правосудия. Не случайно, описывая общественно-политическое устройство Анцух-Капуча, известный этнограф Е.М. Шиллинг писал, что «эти общества представляли собой такой вид вольного общества, который стоял на одной из высоких ступеней развития этого типа формации. Они были живым звеном сложного союзного целого, имели значительный по местным масштабам международный кругозор и в широких пределах пользовались внешними сношениями» (Панек Л.Б., Шиллинг Е.М., 1996. С. 34).

Изучение становления и развития правовой культуры Дагестана как неотъемлемой составляющей историко-культурного процесса является актуальной задачей для исследователей. Невозможно провести качественное исследование общественно-политического устройства горских обществ без выявления и анализа сведений, содержащихся в многочисленных правовых памятниках Дагестана. В этом отношении «Адаты обществ Анцух-Капуча и Бохнода», безусловно, пополнят источниковедческую базу по правовой истории Нагорного Дагестана. Наряду с другими упомянутыми правовыми памятниками, относящимися к данному региону, кодекс представляет собой ценный источник, позволяющий представить достаточно полную картину многогранных общественно-правовых отношений в обществах Анкратля.

ЛИТЕРАТУРА

- Агакеримова Ч. А.* Взаимодействие в Дагестане адата, шариата и законов Российской империи: историко-правовой аспект: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Краснодар, 2008. – 42 с.
- Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане. М., 1988. – 304 с.
- Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., 2002. – 368 с.
- Березин И.Н.* Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1850. – 473 с.
- Зиссерман А.Л.* Отрывки из моих воспоминаний // Русский Вестник. 1877. Т. 127. С. 178–186.
- Ковалевский М.М.* Первобытное право. Вып. № 1. М., 1886. – 345 с.
- Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. Т. 2. СПб., 1890. – 319 с.
- Комаров А.В.* Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. Вып. 1. Тифлис, 1868 С. 1-38
- Кавказский календарь.* Тифлис, 1895. 169 с.
- Ладыженский А.М.* Адаты горцев Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 2003. – 205 с.
- Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Вып. 1. Одесса, 1886. – 443 с.
- Лугуев С.А.* Изменения в общественном быту народов Дагестана после присоединения к России // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978–1979 гг. (тезисы докладов). Махачкала. 1980. С. 27–32.
- Магомедов Д.М., Магомедов Н.А.* Положение зависимого сословия в общинах Западного Дагестана // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1984–1985 гг. Махачкала. 1986. С. 30–35.
- Магомедсалихов Х.М.* Адаты общества Каралал. Махачкала, 2002. – 108 с.
- Омаров А.С.* Из истории права народов Дагестана: Материалы и документы. Махачкала, 1968. – 340 с.
- Панек Л.Б., Шиллинг Е.М.* Сборник очерков по этнографии Дагестана. Махачкала, 1996. – 112 с.
- Военный сборник // По поводу статьи: Несколько слов о будущей деятельности нашей на Кавказе. № 4. 1861. С. 381–387.*
- Саади Абуджейд.* Словарь шариатских терминов (на араб. яз.). Дамаск, 1988. – 240 с.
- Сюкияйнен Л.Р.* Шариат и мусульманско-правовая культура. М. 1997. – 48 с.

في حق القتل

١ اذ اقل والحد المذكور في اوجها فغيره ثم يدر بوقوعه من الغيب بغيره وبين ثلثه للذي يجوز اذناه والى
والله الا ان وجد في موضع الحرب الكهون وبلد ضرر حده به

٢ ان قال المجرم كخدا اهل الحكمه ان قلنا من حرمه ما شافه الك فليسى العنا قلت اخذ اخر
عندنا بل يشب القام على من نسب اليه ليرحم وتعاينه بذلك ولا يصح

٣ اذ قال قلنا من جرم المجرم بغير الموت جرمه قلنا من وكانا متساويين في القتل ولم يكن اخر
بغير جرمه وبلد امود من يشب القام عليه وقتلهم وان كان مثالا مقترنا اخر متساوي
القتل وكانت الجملة او شهودا يعلمون كونه من موضع الحرب فثبت الدم عليه لا على غيره
وان كان المقترن من غير القتل وشهدوا شاهد ان ما دلل به على انهم جرموا به فثبت
عليه فان لم يشهدوا به قطعوا من موطن المجرم

٤ ان مات القاتل جرمه جرمه بقتل موث في موضع الحاربه بقتل لسانه ولا يظن انه يوجد مثالا
من يشرق بقتله فلك مقاتل اخذ ثلثه من بين الحاربه فان ثلثه العاقلة فله من ان
يضعوا على واحد من الثلث بقتل من جرمه من القاتل من الزاب ان ثلثه او اقل
ثبته من جهات الدم والذبح من القرية والذبح من القرية او ثلثه او اقل فثبت
من الثلث من القتل بالحيث في حقه بقتل ثلثه كل واحد من الثلث بقتل العاقلة
الذبح من القتل بالحيث وان نظر واحد من الثلث في كل من طرفي القاتل والقرية
فيصير سهم من كل الجانبين ولا يصح وتعد في ثلثه مع قوله ان يكون العاقلة
حاربه من الجماعة او اعدى اهل الحكمه

Рис. 1. Адаты обществ Анцух-Капуча и Бохнода. Раздел «Об убийствах»

٥
 • الدين في عاداتنا خمس مائة مناك ولا فرق في الغائل بين ان يكون ذكرا او انثى بالغ او نهر
 بالغ واد منها مائة من اهلها احسن اموال الغائل بك فر في بين ففسه ونهر ما يتقوم اثنين
 من حكماء الغريم حتى يتم الدين ولا يعطى في الدين الا في الرض الخ في الدين ولا في الغريم الا في الرض
 الا ان اراد ورثت المتكفل في مرضه فمات به بما ارادوه وقد يهد الغريم اثني عشر فر وسما
 ويغيب من الغريم في حث سنين وان تمهل واحد ان يبالغ في الغر او بالغر خطاه او امرأة تبغى
 المرأة وغير البالغ الى ناصية نائبها في ثلث سنين لا في حارة الناصية وبوقته منها مائة
 الغريم والغريم البالغ ولا يعطى ولا عليه الغريم ولا الغائب وان ثبت الغسل على ابن والده
 فالدين على الاب ان كان معه ولا في فعله نقت فان كان من وقع عليه الدين تمت لافال له ولا
 قد مره لا وانما في لو وقت الاطلاق في فرينه فلك يعطى في جله احد ما لا يقرب والا اجنبي
 دينه لكن يترك الى السيد ابا

• الدين في عاداته خمس مائة من ثمن الغنم ونصفها من ثمن الغنم ونصفها من ثمن الغنم او ثمنها
 او اضعف البيت وانما ثمنها وارث يتقوم اثنين من حكماء الغريم وشوا كل ثمن الرض في الغريم او الرضا
 لا ما كان في فرينه اخرى • قد يهد الغريم ثلث اتمن والتعريب في عشر سنين ولا قد يهد ولا تعريب على الغائل
 المخطئ والغريم البالغ والمرث • الدين في عاداته ثلث مائة من ثمن الغنم ونصفها من الغنم ونصفها
 من ثمنها مائة من ثمنها الا في الرض في فرينه اخرى يتقوم اثنين من حكماء الغريم • قد يهد الغريم
 ثلث اتمن والتعريب في عشر سنين ولا قد يهد ولا تعريب على المخطئ والغريم البالغ والمرث
 • الدين في عاداته ثلث مائة من ثمن الغنم ونصفها من ثمن الغنم ونصفها من ثمن الغنم او ثمنها
 ثمن الرض في فرينه اخرى يتقوم اثنين من حكماء الغريم • قد يهد الغريم ثلث اتمن والتعريب
 في عشر سنين ولا قد يهد ولا تعريب على المخطئ والغريم البالغ والمرث
 • في عاداته ثلث مائة من ثمن الغنم
 ولا يعطى في الغريم الا في الرض او بناء وقد يهد الغريم ثلث اتمن والتعريب في عشر سنين
 • لا قد يهد ولا تعريب على المخطئ والغريم البالغ والمرث

Рис. 2. Адагы обществ Анцух-Капуча и Бохнода. Раздел «Об убийствах»